

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗМ И СОВРЕМЕННЫЕ ТЕЧЕНИЯ КЕЙНСИАНСТВА: АСПЕКТЫ МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

ГАЙДАЙ ТАТЬЯНА ВИКТОРОВНА,

кандидат экономических наук, доцент,
Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко, г. Киев,
e-mail: tvgaidai@mail.ru

В статье предпринят сравнительный методологический анализ институционализма и течений современного кейнсианства с позиций дескриптивной методологии. Раскрыты некоторые значимые аспекты продуктивного методологического воздействия институционализма на посткейнсианство и новое кейнсианство.

Ключевые слова: институциональная экономическая теория; посткейнсианство; новое кейнсианство; аспекты методологического взаимодействия.

The comparative methodological analysis of Institutionalism and modern Keynesian theory is undertaken in the article from positions of descriptive methodology. Some substantial aspects of Institutional Economics methodological influence on Post-Keynesian and New Keynesian Economics are researched.

Keywords: Institutional economics; Pos-Keynesian economics; New Keynesian economics; aspects of methodological interlinks.

Коды классификатора JEL: B22, B25, B50, B52.

Мировой финансово-экономический кризис 2008–2009 гг. с новой силой привлек внимание мирового научного экономического сообщества к фундаментальному вопросу о соотношении научной теории и практики: способна ли современная экономическая наука с достаточной степенью эффективности выполнять свои базовые функции — познавательную, прогностическую и практическую (регуляторно-нормативную)? В этой связи как никогда ранее актуализировалась проблема научной достоверности экономико-теоретического знания, адекватности теоретического отражения экономической реальности основными направлениями экономической науки.

Анализ последних исследований и публикаций свидетельствует, что глобальный финансовый кризис 2000-х гг., с одной стороны, выявил системные теоретико-методологические и функциональные дефекты неоклассического ядра господствующей макроэкономической ортодоксии — симбиоза монетаризма, новой классической макроэкономики, теории экономики предложения. С другой стороны, судя по обширнейшей экономической литературе, недавний кризис способствовал как возрождению кейнсианской научной традиции в целом, так и стремительному росту научного признания объяснительно-прогностической эффективности современных течений кейнсианства — посткейнсианства и нового кейнсианства. В частности, на фоне реалий глобального финансового кризиса 2000-х гг. ярчайшим примером методологической

продуктивности и прогностической проницательности стала теория финансовой хрупкости современного рыночного хозяйства лидера посткейнсианства Х. Мински. Существенный сдвиг в приоритетах макроэкономической теории не был обойден вниманием, в том числе, и видных представителей институционализма (*Hodgson 2009*).

Этот аспект обуславливает необходимость исследования теоретико-методологических оснований современного кейнсианства, углубленного анализа теоретических источников их формирования и развития, к числу которых, несомненно, принадлежит институциональная экономическая теория. Следует отметить, что данное исследовательское направление уже получило определенную разработку в публикациях Р.Л. Рэя (*Wray 1998*), К.П. Джеймсона (*Jameson 2004*), К. Найггла (*Niggle 2006*), К.Дж. Валена (*Whalen 2008; 2009*), а на постсоветском пространстве — преимущественно в работах российского ученого И.В. Розмаинского, ориентированных на разработку нормативного (прескриптивного) методологического аспекта синтеза институционализма и кейнсианства (*Розмаинский 2003; 2009*). Вместе с тем в целом теоретико-методологическое взаимодействие институционализма и современного кейнсианства в структуре экономической теории конца XX — начала XXI вв. остается относительно мало исследованным. Несомненный научный интерес представляет сравнительный методологический анализ институционализма и современного кейнсианства с позиций позитивной (дескриптивной) методологии, что и составило цель данной публикации.

Мощным пластом экономико-теоретического знания практически на всех исторических этапах его развития является экономическая гетеродоксия, представленная альтернативными господствующему мейнстриму направлениями экономической теории. Следует отметить, что и институциональная теория, и кейнсианство первоначально сформировались в лоне экономической гетеродоксии своего времени. Сегодня она имеет достаточно разветвленную структуру, включая такие научные течения, как институционализм, посткейнсианство, эволюционная теория, социальная экономика, новая политическая экономия, марксистская и радикальная экономическая теория, поведенческая, экологическая, феминистская экономическая теория и др. Основное предназначение гетерогенных течений в структуре современной экономической науки состоит в компенсации очевидной теоретико-методологической недостаточности господствующего течения на основе развития более реалистических и продуктивных альтернативно-конкурентных подходов в области экономической методологии, нормативной и позитивной экономической теории.

Реализация институционального подхода в теории Дж. М. Кейнса. Об исходной теоретико-методологической конгруэнтности (совместимости) кейнсианской и институциональной научных традиций свидетельствует, прежде всего, изучение теоретического наследия самого основоположника кейнсианства — Дж. М. Кейнса. Несомненное наличие в макроэкономической теории Дж. М. Кейнса обширного институционального контекста обусловлено его общим методологическим противостоянием неоклассической ортодоксии. Речь идет о своеобразии экономической философии и идеологии Кейнса, его новаторских принципах макроанализа, выходящих далеко за рамки социально- и институционально выхолащенных аналитических подходов неоклассики.

Прежде всего, экономическая реальность в теории Кейнса, несомненно, *институционально наполнена*. В ходе реализации макроэкономического анализа в «Общей теории занятости, процента и денег» Кейнс неоднократно акцентирует внимание на значимости множественных факторов институциональной среды, формирующих и детерминирующих экономическое поведение субъектов рыночных отношений. Так, исследуя склонность к потреблению, он отмечает: «Субъективные факторы ... описывают те психологические особенности человеческого характера, а также те *общественные привычки и институты* (курс. — Г.Т.), которые, хотя и не являются неизменными,

все же едва ли подвержены существенным переменам в течение коротких промежутков времени (за исключением каких-либо выходящих из ряда вон обстоятельств или революционных потрясений)» (*Кейнс 2002, 91*). Или, говоря о мотивах субъективной склонности к потреблению, Кейнс констатирует: «Сила этих мотивов будет резко меняться в зависимости от ... привычек, создаваемых расовыми особенностями, уровнем образования, условностями, религией, существующими представлениями о морали ...» (*Кейнс 2002, 109*), обращаясь, по сути, к проблеме вариативности экономического поведения рыночных субъектов под влиянием факторов неформальной институциональной среды. При этом значимость социальных привычек (рутин) и институций, по Кейнсу, предопределена, прежде всего, экономической неопределенностью будущего. Стремясь избежать либо обезопасить себя от негативного влияния неопределенности, экономические субъекты склонны следовать ранее выработанным и зарекомендовавшим себя стандартам социального взаимодействия.

Институциональный подход в теории Дж. М. Кейнса был реализован и в существенной коррекции самой сути аналитической модели человека. Экономическая жизнедеятельность человека предстает в «Общей теории» Кейнса в своей сложности, противоречивости и многогранности. Дж. М. Кейнсом раскрыты и исследованы не только мотивы и/или аспекты рационального экономического поведения (осторожность, предусмотрительность, расчетливость, стремление к лучшему, независимость, предприимчивость), но и не полностью (ограниченно) рационального или даже нерационального поведения (щедрость, гордость, скупость, недальновидность, нерасчетливость, тщеславие, мотовство) (*Кейнс 2002, 108*). Аналитическая модель человека у Кейнса существенно приближена к институциональной традиции Т. Веблена. Человек в макротехории Кейнса выведен за узкие рамки формалистически-упрощенной неоклассической модели всецело рационального максимизирующего поведения и функционирует в сложной, в значительной степени неопределенной и институционально детерминированной реальности.

В дальнейшем, по мнению исследователей кейнсианства, дух и идейно-методологическое новаторство исходной макротехории Кейнса в значительной мере были выхолащены в ходе реализации кейнсианско-неоклассического синтеза 1950–1970-х гг. На современном этапе эстафета принципиального методологического противостояния теории кейнсианства и неоклассической ортодоксии подхвачена представителями таких его новейших течений, как посткейнсианство и неокейнсианство, по-своему критически противостоящих как кейнсианско-неоклассическому синтезу, так и новой классической макроэкономике.

Институциональное видение макроэкономики в посткейнсианстве. В своей основе влияние институционализма на посткейнсианскую макроэкономическую теорию обусловлено тем, что институционализм явился одним из значимых теоретико-методологических источников данного течения. По мнению К. Найггла, его эволюция в значительной степени предопределена синтезом идей институционализма и посткейнсианской макроэкономики. Это создало предпосылки для достаточно основательного использования посткейнсианством достижений институциональной экономической теории, вследствие чего возник термин «посткейнсианский институционализм» (*Whalen 2009, 1–2; Forstater 2001, 2*).

К посткейнсианству принято относить совокупность неортодоксальных подходов, направленных на возрождение и развитие «истинного духа» теоретического наследия Дж. М. Кейнса (неорикарданское, калецкианское, монетарное посткейнсианство и др.), объединенных при этом неприятием и теоретико-методологическим противостоянием кейнсианской макроэкономической ортодоксии — неоклассическому синтезу. Представители посткейнсианства полагали, что развитие в 1950–1970-х гг. кейнсианской

макроэкономики в русле мейнстрима стало дорогой в никуда, фактически нивелировало и выхолостило кейнсианскую научную революцию. По их мнению, разработка кейнсианско-неоклассического синтеза интеллектуальными лидерами неокейнсианства (Дж. Хикс, П. Самуэльсон, Э. Хансен, Ф. Модильяни, Дж. Тобин и др.) по своей сути представляла собой возврат к неоклассическим принципам. Более того, провал ортодоксального неокейнсианского анализа и разочарование в разработанных на основе его принципов политических рекомендациях на фоне кризисов 1974–1975 гг. и 1980–1981 гг. повлекли за собой монетаристскую и новую классическую «контрреволюции» (Дэвидсон 2006, 82).

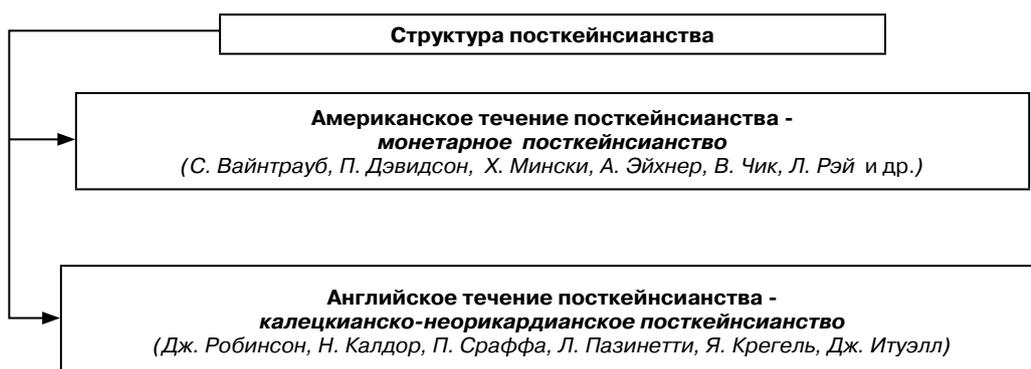

Рис. 1. Течения посткейнсианства

Структурно посткейнсианство является достаточно неоднородным, объединяя в своем составе ряд течений (рис. 1). Их представители поставили целью очистить теоретическое наследие Кейнса от последующих наслоений, формалистических упрощений и «извращений» в духе неоклассического синтеза и завершить «кейнсианскую революцию» на основе развития истинных идей Кейнса с учетом новых исторических реалий рыночной системы хозяйствования.

Критика кейнсианской ортодоксии оказалась созвучной английскому посткейнсианству, сформировавшемуся на основе новой английской кембриджской школы (первоначально известной как «левое кейнсианство») во главе с Дж. В. Робинсон и ее приверженцами Н. Калдором, П. Сраффой и др. Его представители на широкой институционально-ориентированной методологической основе аргументировали необходимость объединения теории эффективного спроса с ограничением деятельности монополий и проведением социальных реформ. Они выступили за создание новой целостной теоретической концепции, которая бы завершила «кейнсианскую революцию». Ортодоксальную же версию неокейнсианства Дж. Робинсон считала «незаконно рожденной», вульгаризирующей учение Кейнса.

У истоков американского монетарного посткейнсианства объединилась молодая генерация ученых-новаторов, выступивших с резкой критикой ортодоксальной кейнсианской теории. Эту группу радикально настроенных приверженцев теории Кейнса новой волны возглавили такие выдающиеся американские экономисты, как С. Вайнтрауб, П. Дэвидсон, Х. Мински. Они выступили с обоснованием принципов современного творческого прочтения и переосмысления наследия Дж. М. Кейнса, а также с кардинальной переоценкой и критикой стандартной версии кейнсианства в структуре неоклассического синтеза. По их мнению, последователи Кейнса — Дж. Хикс, Э. Хансен, П. Самуэльсон и др. — на самом деле «извратили» истинный смысл теории Кейнса, подменив его «Хиксианской моделью», имеющей очень мало или вовсе не имеющей ничего общего с тем, о чем писал Кейнс.

Отличительной методологической особенностью посткейнсианской макроэкономики является *учет существования и взаимодействия системы социально-экономических и политических институций*. Посткейнсианству свойственно институциональное понимание («виденье», по *Й. Шумпетеру*) того, как функционирует макроэкономика. Методологические основания такого виденья, по мнению К. Дж. Валена, были заложены Т. Вебленом, У. Митчеллом, Дж. Коммонсом, Дж. М. Кейнсом и *Й. Шумпетером (Whalen 2009, 28)*. Х. Мински и другие «посткейнсианские институционалисты» воздвигали свои теоретические построения именно на этих основаниях.

В условиях консервативного сдвига в идеологии и политике, характерного для периода 1980-1990-х гг., а особенно глобального финансового кризиса 2000-х гг., монетарное посткейнсианство приобрело все возрастающее научное влияние. Его теоретическими особенностями стали модернизация предмета исследования и методологии кейнсианского анализа под влиянием актуализации монетаризма, неоклассической микро- и макроэкономической теории. Центральное место в монетарном посткейнсианстве принадлежит, во-первых, учету денежной природы экономики, а отсюда — исследованию денежного фактора экономики. Во-вторых, акцентирована значимость неопределенности будущего и ожиданий в разрывании хозяйственных процессов.

Важнейшим пунктом теории Кейнса американские посткейнсианцы считали идею внутренней нестабильности экономики. Поэтому его теорию они трактовали не как статическую теорию равновесия с неполной занятостью, а как динамическую макроэкономическую теорию приспособления к нарушению экономического равновесия. Большое значение, по их мнению, Кейнс уделял роли неопределенности экономических процессов, недостаточности хозяйственной информации. Монетарные посткейнсианцы исходят из того, что само использование идеи неопределенности поколебало основания неоклассической системы, базирующейся на моделировании поведения рационального, хорошо осведомленного хозяйственного субъекта. В теории Кейнса, по их мнению, предвидения относительно будущих процессов непременно являются неопределенными. И именно этим в первую очередь отличают «Общую теорию занятости, процента и денег» Кейнса от неоклассики, а не теорией эффективного спроса, как принято считать.

Монетарные посткейнсианцы также исходят из того, что в условиях неопределенности деньги выступают как связующее звено между современным и будущим состоянием экономики. Признанный классик посткейнсианства П. Дэвидсон основное внимание в своих исследованиях отводит взаимосвязи между фундаментальной неопределенностью, отсутствием нейтральности денег и ролью форвардных контрактов в экономической системе, предлагая на этой основе оригинальный подход к макроэкономическому анализу.

Учет денежного фактора и неопределенности, введение их в теоретический анализ способствует более реалистической оценке сложных и противоречивых процессов рыночной экономической системы. Именно финансовая нестабильность через систему денежно-финансовых институтов влияет на экономику, а финансовые кризисы лежат в основе экономических кризисов, полагал Х. Мински. Он считает, что не личное потребление, а развитие производственных ресурсов (в т.ч. серьезное изменение направления государственных расходов) способно противодействовать экономическим спадам. Представители монетарного посткейнсианства реалистически оценивают противоречия, присущие рыночной экономике, и пути их преодоления.

На глубоком понимании функционирования и эволюции финансовых институций основывается теория *финансовой хрупкости (нестабильности) экономики* Х. Мински (*Minsk 1986*). Примечательно то, что ученый разработал ее еще в 1970–1980-х гг.

Ее высокие прогностически-объяснительные способности с особой убедительностью проявились в ходе глобального кризиса 2000-х гг. Ученый сосредоточил основное внимание на особенностях формирования институций финансового сектора и денежного спроса. В основе его теории — тезис о том, что капиталистическая экономика самой своей природой, эндогенно порождает неустойчивую финансовую структуру, подверженную кризисам. На этой теоретической основе Мински дал объяснение ряду кризисов, произошедших за последние 100 лет. Х. Мински показал, что финансовая устойчивость и динамичность экономики в значительной степени зависят от способов финансирования развития предпринимательского сектора. Он привлек внимание к проблеме обеспеченности финансирования инвестиционной активности. Обеспеченное финансирование означает непреложное требование того, чтобы фирмы имели денежные поступления, достаточные как для регулярного погашения долга, так и процентов по нему. Невыполнение этих условий чревато повышенным риском финансовой сферы и, в конечном счете, — неизбежными финансовыми кризисами.

По мнению Х. Мински, в начальной фазе роста делового цикла обеспеченное финансирование преобладает. Это связано с тем, что в памяти экономических субъектов еще свежи воспоминания о недавней депрессии. На последующих фазах делового цикла стираются воспоминания о предшествовавшей депрессии, что постепенно приводит к преобладанию спекулятивного финансирования фирм. Последнее означает погашение процентов по долгу и его периодическое рефинансирование. Оно имеет место в случае финансирования долгосрочных инвестиционных проектов за счет краткосрочных кредитов. При росте процентных ставок и утрате фирмами способности выплачивать даже проценты по долгам, задолженность начинает расти лавинообразно, что приводит к образованию финансовой пирамиды. Финансово-экономический кризис становится неизбежным, причем в значительной мере наступает из-за хронической неспособности предпринимательского сектора рассчитаться с финансовым сектором.

Следует особо отметить, что теоретическая значимость и экспертная авторитетность монетарного посткейнсианства особенно возросла в условиях мирового финансово-экономического кризиса 2007–2009 гг. Теория финансовой хрупкости современной экономики получила неожиданное, но вместе с тем неопровержимое подтверждение на практике. В этой связи значительный теоретический интерес для мировой экономической науки представила не только разработка посткейнсианцами природы и причин финансовых кризисов, но и обоснование путей вывода экономики из кризисного состояния.

Новое кейнсианство: институциональные аспекты макроэкономического анализа. Сформировавшееся в 1970–1980-х гг. новое кейнсианство своим названием акцентировало существенные теоретические и методологические отличия от неокейнсианства 1950–1970-х и посткейнсианства 1970–1980-х гг. Данное течение объединило экономистов, противопоставивших критике приверженцев экономического неоконсерватизма, прежде всего новых классиков (Р. Лукас, Сарджент, Н. Уоллес и др.), методологическую модернизацию кейнсианской доктрины. Теоретические новации, выдвигаемые новыми кейнсианцами, охватывают микро- и макроаспекты экономической теории: новое кейнсианство отличает стремление создать собственный новый синтез макро- и микроэкономической теории. Приоритетная роль в разработке его теоретико-методологических оснований принадлежит таким американским экономистам, как Дж. Стиглиц, Дж. Акерлоф, Г. Мэнкью, П. Кругман и др.

Новое кейнсианство объединяет с посткейнсианством и отличает от неоклассической школы признание наличия стойких факторов макроэкономической нестабильно-

сти рыночной экономики и необходимости корректирующего влияния государственного регулирования экономики. К началу 1980-х гг. в кейнсианстве не были разработаны проблемы микроэкономики. Эта теоретическая область оставалась исключительной прерогативой неоклассики, за что кейнсианство все больше подвергалось критике как со стороны монетаристов, так и со стороны представителей новой классической макроэкономической теории. Посткейнсианцы также не использовали неоклассических идей и инструментов микроэкономического анализа. Напротив, новых кейнсианцев отличает стремление преодолеть методологическое несовершенство и незавершенность предшествовавших попыток кейнсианско-неоклассического синтеза. Новое кейнсианство критически оценивает достижения синтеза Хикса — Самуэльсона, упрекая его в проявлениях теоретической слабости, непоследовательности и эклектичности. К числу таких методологических недостатков предшественников из числа неокейнсианцев новые кейнсианцы относят игнорирование роли социально-психологических факторов (столь значимых для институционалистов).

Теоретические разработки новых кейнсианцев направлены на достижение органичного соединения кейнсианской теории с методологически обновленным микроэкономическим обоснованием макроэкономической теории и политики. Новое кейнсианство критически противостоит неоклассике в ее традиционной теоретической вотчине - микроэкономике, выявляя нереалистичность методологических предпосылок неоклассического микроэкономического анализа. При этом нельзя не заметить того, что вводимые элементы новокейнсианской теории методологически созвучны методологическим подходам институционализма и одновременно представляют собой значительное отклонение от привычных аналитических допущений приверженцев неоклассики. Речь идет о факторе экономической неопределенности, несовершенстве экономической координации рынков, асимметрии информации, асинхронности вследствие этого ценообразования и др. Эти факторы не учитываются в качестве значимых предпосылок теоретического анализа ни неоклассической микроэкономической теорией, ни новой классической макротеорией. Игнорирование реалий экономической среды, по мнению новых кейнсианцев, обедняет и упрощает неоклассический анализ, составляя при этом интеллектуальную основу для традиционного экономического обоснования *laissez-faire*.

Наиболее убедительной в плане исходных предпосылок макроэкономического анализа представляется *концепция асимметрии экономической информации*, разработанная признанными интеллектуальными лидерами нового кейнсианства, лауреатами Нобелевской премии 2001 г. Дж. Стиглицем и Дж. Акерлофом. Под асимметрией информации прежде всего понимается ее неравномерное распределение между участниками рыночной сделки: продавцом продукции и ее покупателем, работодателем и наемным работником, кредитором и заемщиком. Асимметрия информации приводит к формированию информационных преимуществ у одной из сторон рыночной сделки, что порождает неоптимальные последствия на микроуровне.

Во-первых, представители нового кейнсианства стремятся отразить в своих исследованиях институциональную природу и социальную структуру рынков. Во-вторых, несложно заметить, что идея асимметрии рыночной информации по своей сути весьма методологически созвучна теории информационных издержек осуществления рыночных транзакций, разработанной представителями нового институционализма.

Исследуя экономический феномен асимметрии информации в своей классической работе «Рынок «лимонов»» (1970), Дж. Акерлоф сосредоточил экономический анализ на сегменте американского рынка поддержанных автомобилей. Асимметрия информации делает этот специфический тип рынка крайне неустойчивым. Как отмечал ученый, наличие многочисленных разновидностей одних и тех же товаров ставит ин-

тересные и важные проблемы теории рынков. Анализ различий в качестве в условиях неопределенности может объяснить природу многих важных институтов рынка труда. Другие прикладные аспекты теории касаются структуры денежных рынков, понятия «страхуемости», ликвидности товаров длительного пользования и использования фирменных знаков (*Акерлоф 1994*).

Для противостояния влиянию неопределенности качества, по мнению Дж. Акерлофа, возникают многочисленные противодействующие институциональные механизмы. В числе главных из них — гарантии. Их имеют большинство потребительских товаров длительного пользования: продавец гарантирует покупателю, что качество его товара соответствует некоторому нормальному ожидаемому уровню. Одно из следствий, естественным образом вытекающее из данной модели, заключается в том, что риск возлагается на продавца, а не покупателя. Если эти гарантии четко не определены (формально институционализированы — специфицированы), страдает бизнес. Однако трудность определения качества внутренне присуща миру бизнеса; этот факт позволяет объяснить природу многих экономических институтов и, возможно, является одним из наиболее важных аспектов неопределенности.

Важным перспективным направлением дальнейшего развития кейнсианской теории Дж. Акерлоф считает также разработку в ее составе поведенческой макротeorии, которая включала бы обширные *исследования психологических и социальных явлений на микроэкономическом уровне*. Так, особенности рынка труда он связывает с действием комплекса факторов, имеющих психологические основания: трудовая мораль, справедливость, инсайдерство как результат асимметричности информации.

Таким образом, в развитии институционализма и современного кейнсианства в структуре экономической теории последней трети XX — начала XXI вв. отчетливо прослеживается взаимодействие двух определяющих тенденций: во-первых, тенденции к теоретико-методологической дивергенции по отношению к господствующей ортодоксии (неоклассической, некейнсианской), во-вторых, тенденции к методологическому синтезу (конвергенции) онтологического видения экономической реальности, гносеологических предпосылок анализа, методов научного исследования и подходов к реализации экономической политики. Это открывает более широкие возможности для методологического сближения и активного плодотворного взаимодействия институциональной экономической теории и новейших течений кейнсианства.

Процесс осмысления и дальнейшего развития идей Дж. М. Кейнса представителями современного кейнсианства реализуется на основе дальнейшего совершенствования теоретико-методологических предпосылок научного познания, его большей ориентации на создание эволюционно и институционально обоснованной макроэкономической теории, способной эффективно отвечать на глобальные вызовы современности. Методологическое влияние институционализма прослеживается по линии теоретического отражения сложной институциональной реальности рыночной системы хозяйства в целом и отдельных рынков (денег, финансов, товаров, труда, услуг), учета институциональной природы денежной экономики, роли ограниченной рациональности экономического поведения рыночных субъектов, неполноты информации и др. Свободная конкурентная состязательность научных идей, их теоретическое взаимообогащение являются неперенными условиями дальнейшего формирования плодотворных макроэкономических подходов, творческого поиска путей совершенствования механизма рыночного регулирования, оптимизации реальной макроэкономической политики.

ЛИТЕРАТУРА

Акерлоф Дж. (1994). Рынок «лимонов»: неопределенность качества и рыночный механизм // *THESIS*. Вып. 5. 91–104.

Дэвидсон П. (2006). Посткейнсианская школа в макроэкономической теории // *Вопросы экономики*. № 8. 82–101.

Кейнс Дж.М. (2002). Общая теория занятости, процента и денег. М.: Гелиос АРВ, 352.

Розмаинский И.В. (2003). Посткейнсианство + традиционный институционализм = целостная реалистическая экономическая теория XXI века // *Экономический вестник Ростовского государственного университета*. Т. 1. № 3. 28–35.

Розмаинский И.В. (2009). Неопределенность и институциональная эволюция в сложных экономических системах: посткейнсианский подход // *Вопросы экономики*. № 6. 48–59.

Forstater, M. (2001). An Institutionalist Post Keynesian Methodology of Economic Policy with an Application to Full Employment // *Working Paper*. No. 18. University of Missouri. Kansas City. 29.

Hodgson, G.M. (2009). The great crash of 2008 and the reform of economics // *Cambridge Journal of Economics*. No. 33. 1205–1221.

Jameson, K.P. (2004). Dollarization in Ecuador: A Post-Keynesian Institutionalist Analysis // *Working Paper*. Paper No. 5. University of Utah Department of Economics. Salt Lake City. 40.

Minsky, H. (1986). *Stabilizing an Unstable Economy*. L.: Yale University Press. 350.

Niggle, C. (2006). Evolutionary Keynesianism: A synthesis of institutionalist and post Keynesian macroeconomics // *Journal of Economic Issues*. Vol. 40. Part 2. 405–412.

Whalen, C.J. (2008). Toward «Wisely Managed» Capitalism: Post-Keynesian Institutionalism and the Creative State // *Forum for Social Economics*. Vol. 37. No. 1. May. 43–60.

Whalen, C.J. (2009). An Institutionalist Perspective on the Global Financial Crisis // *Visiting Fellow Working Papers*. Paper 27. Cornell University ILR School. 43.

Wray, R.L. (1998). Is Keynesianism Institutionalist? An Irreverent Overview of the History of Money from the Beginning of the Beginning to the Present // *Working Paper*. Paper No. 257. The Jerome Levy Economics Institute. November. 12.